

Фридерик Листван

Свентокишская Академия им. Яна Кохановского в Кельцах

ul. Leśna 16, 25-369 Kielce, Polska

Tel.: (48-41) 349 71 31

E-mail: ifs@pu.kielce.pl

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ, ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ...» – ПРОБЛЕМА СТРАДАНИЯ В РОМАНЕ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»

В статье поднимается проблема, которой, как представляется, пока не коснулись леоноведы – идея страдания в последнем романе Леонида Леонова «Пирамида». В тексте леоновского произведения автором предлагаемой статьи найдены многие языковые (лексические, фразеологические, синтаксические) «маркеры» рассматриваемой проблемы – синонимы существительного «страдание», интертекстуальные элементы, отсылающие к Библии и античной мифологии, связанные с темой страдания, пословицы, афоризмы, в той или иной мере трактующие понятие, соотносимое с номинацией «страдание». В статье рассматриваются воззрения героев на причины человеческих страданий (извечный спор Бога и Сатаны о человеке, желание осуществить утопическую идею создания на земле рая без Бога, любовь к русской России), отношение персонажей к страданиям – своим и чужим. Героями «Пирамиды», независимо от их идейной позиции, страдание рассматривается как нечто неизбежное, как стимул душевного развития человека, как фактор, способствующий познанию жизни, позволяющий очистить душу. Страдающие герои не только смиряются перед страданием, но и оправдывают причиняющих боль.

Для автора «Пирамиды» важно не только, почему страдает человек, но и то, как он относится к страданиям. Человек, Россия, цивилизация – вот проблемы последнего романа писателя, потому и вопрос страдания рассматривается здесь в трех планах – личностном, национальном, общечеловеческом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: страдание, плач, спор-игра, смирение, оправдание, долготерпение, теодицея, антроподицея.

Несомненно, вопрос о человеке для Леонова является стержневым. Писателя всегда волновали тайны человеческой души, неуловимые психические процессы, взаимосвязь внутреннего и внешнего, соотношение мыслей и переживаний с действиями человека, его усилие осознать себя в мире, стремление к счастью, желание понять причину и значение страдания. Последнее составляет одну из главных, если не самую главную, координату, по которой выстраивается жизнь большинства героев «Пирамиды».

Остановимся на языковых маркерах идеи страдания в романе Л. Леонова. Текст насыщен словами, которые могут рассматриваться как: 1) синонимы ключевого обозначения соответствующего понятия – скорбь, боль, горе, терзание; 2) слова, называющие явления, ассоциативно связанные с состоянием страдания – катастрофа, плач, эшафот, несчастье, беда, огорчение; 3) выражения, пословицы, изречения, возбуждающие представления о страдании – тернистый путь, крестная мука, крик души, распятие души, незаживаемая рана, казни

египетские, смертельная истома, гефсиманская тоска, «когда своей боли хватает, о чужой не спрашивают»¹, «величие любой идеи мерится достигнутым с ее помощью благосостоянием населения, а не количеством жертв во имя ее» (2, 54), «чем святее провозглашенный догмат, тем дешевле цена личности ее осуществоряющей» (2, 295), а также имена-эмблемы, отсылающие к Библии (*Иеремия*² *Иов*, *Голгофа*) и античной мифологии (*Прометей*, *Лаокоон*), имена древних и более поздних монархов-деспотов (*Навуходоносор*, *Ирод*, *Хеопс*, *Иван Грозный*, *Петр I*), упоминается даже князь *Гаутама*³. Все перечисленные имена играют важную роль в структуре последнего леоновского романа, в его идейной сфере – одни называют лиц, ставших символами великого страдания, другие – явления, символизирующие причины человеческих страданий: референты всех этих имен составляют параллель героям изображенной в романе «жестокой политической реальности» России 30-х годов. В «Пирамиде» речь идет о «современных Лаокоонах», о бесчестных русских Голгофах, из-под пера священника Лоскутова изливается «плач о гибели русского государства»; а параллелью упомянутым монархам-тиранам является созданный автором портрет Сталина – «кавказского царя», «вождя всех времен и народов».

Много места в романе отводит автор причинам испытываемых человечеством

страданий. «Боль (скорбь) земная» становится темой многих разговоров: «запуганные навек вперед», встревоженные очередными жестокими политическими акциями вождя герои романа задаются вопросом – откуда взялась такая «разноликая, пополам с издевкой, скорбь земная» (1, 62). Особую пытливость в этом отношении проявляет лишенец, бывший священник Матвей Лоскутов, желающий выяснить, «слышат ли там в небесах, что творится на святой Руси?» (1, 57), и хоть «вполглазика через малую дверную щелку взглянуть на пресловутого Господнего соперника: что за ферт такой и в чем его превосходящее качество, что подобные сверхэпохальные гадости дозволяются ему свыше» (1, 319). Мысли, высказывания героев и логика событий позволяют сделать вывод, что главной причиной людского страдания является извечная небесная распря, противостояние начал, неба и ада. Такого мнения придерживаются о. Матвей и студент Шамин. Последний пытается прояснить своему другу Вадиму Лоскутову причины существующих страданий: «Привыкшие оперировать купюрами вселенского масштаба, – говорит Шамин, – они хлещутся меж собой войной и чумой, целыми океанами горя подчас без учета безответной двуногой живности, из-за которой собственно и затеяли междоусобицу» (2, 135). Последствием этой распри является желание ревнующего дьявола

¹ ЛЕОНОВ, Л. *Пирамида. Роман-наваждение в трех частях*. Москва, 1994, т. 1, с. 92. В дальнейшем при цитатах в скобках ставится номер тома и страницы.

² Плачущий пророк, автор «Книги Плача», учивший, что духовное спасение евреев может прийти только через перенесенные ими утраты и страдания. Его «Книга Плача» – это плач по Иерусалиму, разрушенному халдеями в 586 г. до н. э. Рембрандт изобразил Иеремию скорбящим на фоне горящего на заднем плане города. См. ХОЛЛИ, Джеймс. *Словарь сюжетов и символов в искусстве*. Москва, 1999, с. 257–258.

³ Имеется в виду Сиддхартха Гаутама (ок. 560 – ок. 480 до н. э.), сын царя небольшого государства (в среднем течении Ганга), которому было дано имя Будда (санскр. «просветленный»). Основатель буддизма, религии, опирающейся на «четыре благородные истины»: страдание, его причина, освобождение от него (нирвана) и путь к такому освобождению. См. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург, 2003, с. 100.

доказать Создателю ошибочность Его решения создать людей и поставить их над ангелами. Он (дьявол), рядясь в костюм покровителя людей, их защитника в борьбе с «небесной тиранией», старается довести Божиих фаворитов до полного ничтожества, потому льстит их уму, потакает их похоти. Ради анонимности и под предлогом свободной воли «предпочитает осуществлять некрасивые свои предначертания людскими же руками» (1, 483), вдохновляя политиков на разные «эпохальные мероприятия». Жестокая реальность 30-х годов видится Матвею Лоскутову результатом успешных стараний дьявола, превратившего святую Русь в форпост мирового атеизма, в преддверие ада. Резидентом ада Шатаницким навеваны и еретические мысли священника, и грешные мечтания Юлии Бамбальски о царствовании над космосом – как главный организатор интриг дьявол использует людей в качестве игровых карт в игре-споре с небом. Именно дьявол является вдохновителем «назревающей самоубийственной эйфории» людей, именно он желает с помощью термоядерной войны довести их до исчезновения и, бросив к подножию Создателя гекатомбу из шести миллиардов человеческих тел, закончить свой спор-игру с небом⁴.

В тесной связи с действиями дьявола существует и коммунистическая доктрина, ставшая причиной изгнания Бога, отмены человеческой души, упразднения понятия грех. Утопическая мечта о построении

земного рая без Христа повлекла за собой неимоверные страдания и смерть миллионов, притом не только «бывших людей», лишенцев (Аблаевы, Лоскутовы), но и самих «апостолов насильственного счастья» (Скуднов). Много раз появляющийся в «Пирамиде» образ России как гигантского пожара вызывает у героев боль за «саморазрушающуюся Россиюшку», боль, вылившуюся в плач о гибели русского государства у Матвея, боль за русскую Россию, за пущенный ко дну «кораблик детской мечты, именуемый ласкательно Русью». Боль за Россию у Вадима, испытывающего подлинно гамлетовские муки⁵, сталкивается с не менее сильной приверженностью новой доктрине и обожествляемому им вождю. Самый большой страдалец среди героев «Пирамиды», впечатлительный и легко ранимый, Вадим мучится и «никогда не отвеченными вопросами: кто мы, откуда и зачем?» (2, 100), терзается мыслью об отце, который «собственными боками расплачивается за все земные прегрешения церкви». Ему дано было испытать и муки ожидания ареста, и пытки в «большом доме страданий» (на Лубянке). Мучителен и его бредовой сон о посещении лагеря-стройки. Глубокая скорбь свойственна и провидице Дуне Лоскутовой, совершавшей прогулки во времени – эту скорбь вызывает не только жестокая реальность, плачевно сказавшаяся на судьбе близких ей людей, но и увиденный ею конец цивилизации, жалкая участь земных богов, «раздавленных своим могуществом».

⁴ Об этом см. ЛИСТВАН, Ф. Леонид Леонов. Сумерки богов? In *История и современность в русской литературе*, Rzeszyw, 1999, с. 179–189; ЛИСТВАН, Ф. «Небесный диалог» в романе Леонида Леонова «Пирамида». In *Dialog w literaturach i językach słowiańskich*, t. 1. *Literaturoznawstwo, „Studia i szkice slawistyczne”* 4, Opole, 2003, s. 103–109.

⁵ Шире об этом см. в статье: ЛИСТВАН, Ф. Мотив гамлетизма в художественной и публицистической прозе Леонида Леонова. In *Актуальные вопросы изучения русской литературы и культуры, русского языка и методики его преподавания в европейском контексте*, Kraków, 2001, с. 108–114.

Герои «Пирамиды» страдают и по другим, но уже не столь высоким причинам. Так, фининспектор Гаврилов страдает и от сознания собственной бездарности, не позволившей ему взобраться на «общественный небосклон», и от опасения быть уличенным в преступном родстве с дядей – провокатором царской охранки, которому предназначена была роль коршуна в судьбе этого «незадачливого Прометея». Юлия Бамбальски страдает от избытка желаний и невозможности осуществить главное из них: родить от ангела Дымкова гения, который овладел бы космосом. В свою очередь, «полувсемирный» режиссер Сорокин страдает от ноющей хуже зубной боли душевной травмы, которая состояла в «гадком сознании своего плебейского ничтожества» (2, 427).

Для Леонова важны не только причины, масштаб страданий⁶, но и отношение персонажей к ним. В высказываниях героев признается неизбежность страданий (Шамин) и их положительная роль в жизни людей: они служат маяком человеческой личности (Вадим), являются источником откровений (врач, вызванный к Дуне), толчком к цивилизации (Шатаницкий), двигателем прогресса (о. Матвей); из сгустков боли сделано все лучшее на свете (Вадим), выточены «наиболее драгоценные трагедии и реквиемы и прочие лакомства ума» (Шатаницкий). Правда, названные мотивы не получают развития в сюжете романа, но это вовсе не означает что его герои не стремятся придать страданиям – своим и целого народа – определенный смысл. Матвей и Вадим Лоскутовы относят страдания к исторической миссии России, призванной своим падением доказать напрасность мечтаний о построении на земле рая без Христа (Матвей); она свой

«беспоощадно христианский подвиг» должна совершить «в предостережение потомкам от некоторых роковых увлечений» (2, 131), показать миру «бессмысленность башни без Бога» (Вадим). Матвей видит и другую пользу от страданий миллионов людей, чьи жизни приносятся в жертву мечте о пресловутом светлом будущем: они признаются фактором, ускоряющим историческое вызревание России. Старофедосеевский батюшка страдание использует иногда в качестве целительного средства: желая облегчить муку горбатого Алексея, он рассказывает ему историю библейского праведника Иова, выстоявшего в своей вере, несмотря на многочисленные бедствия (его дети были погребены под развалившимся домом, слуги убиты, а стада погибли; сам Иов был поражен с ног до головы проказой).

От признания неизбежности и полезности страданий герои переходят к оправданию бесчисленных русских Голгоф, к смирению и примирению с действительностью. Обожеествляющий Сталина Вадим Лоскутов оправдывает вождя и тех, кто железной рукой творит его волю, считая, что в такие эпохи необходимо примирение с неизбежными утратами, ибо «при переезде на новую квартиру посуда имеет обыкновение биться» (2, 54). По Вадиму, процесс переплава требует собственных температур, «пороку немислимых для обыкновенного человеческого вещества» (2, 225), а человечество, как всякий первичный материал, например, металл при обработке на станке, «стонет, визжит, плюется раскаленной стружкой» (2, 54). Вадим оправдывает и «главного зодчего», считая, что всегда отношение с массами требовало от крупных реформаторов «беспоощадного в себе подавления человечности с запретом вникать в

⁶ ХРУЛЕВ, В. И. Человек в мироздании по Леонову. In ХРУЛЕВ, В. И. *Мысль и слово Леонида Леонова*. Саратов, 1989, с. 67.

подробности, вглядываться в лица, тем более заплаканные, чтоб не ослаблялась воля, не затуплялся скальпель: «они потому сплошь и безбожники, что Бог в конечном-то итоге – милосердие, а в нынешних делах людских нужна скорая и строгая “арифметика справедливости”» (2, 88).

Мысли Вадима созвучны взглядам Сталина, который страдания людей считает необходимостью. По его мнению, только «лагерный режим, исключая бунт и жалобу, позволяет употребить силовой потенциал работника с гарантией стопроцентного стогорания без золы и копоты» (2, 602). Жестокость своих акций Сталин оправдывает необходимостью ускорить темп построения новой жизни. Оправдание своему террору вождь находит в истории, которая якобы показывает, что крупные ее операции «производились сильными людьми в красных по локоть рукавицах» (2, 602). Сталин ссылается при этом на своих предшественников – царей Ивана Грозного и Петра Великого.

В отличие от Вадимовой и сталинской антроподицеи, Матвей Лоскутов прибегает к аргументам теодицеи. Как подобает священнику, он стремится «обелить очевидное бессилие небес, похожее на прямое поущение заведомому злодейству и примирить ум с неизбежностью скорбей на земле» (1, 44). После постигшей его катастрофы, какой было непосильное налогообложение, о. Матвей открывает свою оправдательную философию жильцам домика со ставнями, просит не роптать, смириться, ибо «как пастырю при обширном стаде управиться без кнута да боли...»? «Видели, – спрашивает герой, – как извивается червь порубленный, обоими концами хлещется, тоже поди клянет лопату божественного земледельца... а про то ему невдомек, каково всевышнему-то с нами за каждым углядеть да потрафить, да грудью вдобавок заслонить от врага

ночного?» (1, 318). Сам Матвей тоже смиряется с «железными бичами», но он, в отличие от сына, непоследователен в своих суждениях. Оправдывая Бога, он попутно упрекает его в поущении злу. Он, как когда-то болгарский монах Богомил, считает, что страдания людей «следует функционально отнести к Добру и Злу, значит «в тайниках разума и на долю мгновения сопоставить вровень две извечно враждующие стороны – небо и ад» (1, 319). Люди грешат, ибо по своей природе, в которой волей Творца соединены несовместимые начала, дух и глина, не могут иначе. На этой идее основано неканоническое толкование Матвеем Голгофы как акта высшей справедливости. По мнению священника, назначенного дьяволом в обновители церкви, Бог сошел на землю в образе Христа и принял крестную муку во искупление первородного греха, но не людского, а своего. Характерно и испытываемое Матвеем при виде покинутого людьми Спасителя (во время бредового сна) «гадкое и сладостное удовлетворение по поводу наконец-то достигнутого равенства с павшим государем, на собственном хребте испытывшем – почему тут у нас, внизу, фунт лиха земного» (1, 417). О прозвучавшей как упрек попытке оправдать Бога, можно говорить и в случае могильщика Финогеича, считавшего, что «скоропалительное за шесть суток создание мира даже у Творца не могло обойтись без технических промашек» (1, 63).

Смирившиеся перед ужасами казни Матвей и Вадим пытаются постичь причину «престранного эпохального непротivления», народного долготерпения. «Почему – спрашивает Вадим, – бесстрашные адмиралы и полководцы революции, строители социалистической индустрии, академики мировых категорий без видимого сопротивления отдавали себя в руки палачей?» (2, 98). Как сторонник новой доктрины причину

этого феномена он находит в желании осуществить заложенную в людском геном мечту о «золотом веке», обещанном светлом будущем. В свою очередь Сталин источник долготерпения русских видит в истории, которая ваяет характер нации. Несколько иную причину этому явлению подыскивает Матвей. Источник непротравления он видит в жертвенности русских, в тысячелетней христианской традиции, а особенно в Нагорной проповеди, подчеркивающей значение смирения и кротости, впитавшейся в русскую кровь, словом, определившей национальный характер русских. Характерно в этом отношении признание «карусельного мужика»: «Мы по-евангельски против власти не шумим» (1, 356). По мнению Матвея, простонародная душа терпеливей к страданию, ибо простой народ надеется, что «всякая, без вины, боль

земная, посмертно по золотинке за бочку слез вознаграждается в небесах» (1, 53).

Итак, автором «Пирамиды» страдание рассматривается как нечто неизбежное, даже необходимое для человека, как стимул его душевного развития, как фактор, способствующий познанию жизни и себя самого, сближению людей, позволяющий очистить душу – все это при условии, что полученная «порция» не превышает допустимую индивидуальную «норму».

Можно сказать, что в последний роман писатель вложил всю свойственную ему боль за человека, Россию, за цивилизацию в целом. Поэтому вопрос о страдании в последнем романе Леонова получает столь многообразное осмысление – как продолжающее искания русской литературы, так и обогащающее их новыми выстраданными воззрениями.

Fryderyk Listwan

Holy Cross Academy n. a. Jan Kochanowski in Kielce

“WHAT IS HUMAN, ONLY WHAT IS HUMAN...” THE PROBLEM OF SUFFERING IN LEONID LEONOV’S NOVEL “THE PYRAMID”

Summary

The article considers the hitherto not researched problem of suffering in Leonid Leonov’s last novel “The Pyramid”. Numerous linguistic (lexical, phraseological and syntactic) markers of this problem have been found in Leonov’s novel: synonyms of the noun “suffering”, intertextual elements referring to the Bible and antique mythology, proverbs, aphorisms, which belong to the semantic field of the base word “suffering”. The article also presents the point of view of the characters in relation to the causes of suffering and its role in human life; besides, the attitude to spiritual torment is discussed. On the basis of the characters’ statements and the logic of events,

three main causes of suffering are distinguished: the eternal struggle between God and Satan to win the man; an attempt to realize the idea of earthly paradise without Christ; and love for Russia. Among the characters’ attitudes to suffering, first of all, submissiveness is distinguished, which leads to the reconciliation with cruel reality and to justification of both God (theodicy of the priest Matvey Loskutov) and the man (anthropodicy of Stalin and his ardent supporter Vadim Loskutov). The characters seek the sources of the submission to Stalinist terror in the Gospel, which has determined some features of the Russian character (Matvey), either in the Gospel or in the desire to realize the immemorial dream of the “golden age”, which is encoded in human awareness (Vadim).

KEY WORDS: suffering, cry, argument-game, Gospel, humility, non-resistance, great patience, justification, theodicy, anthropodicy.